

Высказанная мысль не так уж нова, но повторить ее, пожалуй, необходимо, ввиду того что некоторые исследователи не совсем четко отделяют время классического летописания от летописания позднейшего. Лет 15 назад Л. В. Черепнин в интересной статье об историографии XVII в. высказал мысль о том, что недостаточная изученность позднего летописания объясняется малой источниковедческой ценностью летописей этого века благодаря наличию большого количества документального актового материала.¹⁰ Однако такое толкование не объясняет всего. Дело в том, что историки русского летописания, такие, как А. А. Шахматов, М. Д. Приселков, считали позднейшие летописи (XVI—XVII вв.) принципиально отличными от древнерусского летописания и занимались поэтому ими сравнительно мало. В связи с этим необходимо отвести упрек от М. Д. Приселкова в отношении использования им малого количества летописных памятников, сделанный в его адрес А. Н. Насоновым.¹¹ Нельзя не напомнить, что М. Д. Приселков в труде «История русского летописания XI—XV вв.» (Л., 1940) имел в виду только те летописные списки XIV—XVIII вв., которые содержат тексты сводов XI—XV вв. Справедливости ради надо учесть и успехи советской исторической науки за последние 15—20 лет, в том числе в изучении позднего летописания, позволившие А. Н. Насонову оперировать летописным фондом, превышающим тысячу единиц.

Статья А. Н. Насонова «Летописные памятники хранилищ Москвы» может внести серьезные коррективы в представление о времени окончания летописания только в том случае, если подтвердится заключение автора об официальном характере летописания в первой четверти XVIII в. Выводы А. Н. Насонова требуют проверки не только в свете общих рассуждений о конце летописания в России, но и в плане выяснения всей совокупности развития и распространения исторических знаний в нашей стране в первой четверти XVIII в.

В конце XVII—начале XVIII в. в условиях петровских преобразований и Северной войны исторические знания приобретали особое значение в общественной жизни России. Они обслуживали интересы дипломатии и военного дела, законодательства и публицистики, церкви и раскольников, правительства и антипетровской оппозиции. Нет необходимости в рамках короткой статьи останавливаться на выяснении роли истории в общественной жизни, но следует, быть может, только напомнить о том, что почти ни один важный государственный законодательный акт в ту пору не обходился без соответствующего исторического обоснования.

Развитию и распространению исторических знаний в России успешно содействовал печатный станок. Русский читатель впервые получил возможность держать в руках печатные книги светского содержания. Правда, исторические произведения в рукописях долго продолжали успешно конкурировать с печатной продукцией. Например, книга Катиоро «История Петра Великого», вышедшая на итальянском языке в 1736 г. и переведенная на русский язык Писаревым в 1743 г., в рукописях XVIII в. встречается десятками в библиотечных хранилищах.

Историческая работа в первой четверти XVIII в. шла главным образом по двум направлениям: по пути создания общих работ по истории России, доводимых до настоящего времени, и по линии написания современной истории России, точнее, истории Петра или истории Северной войны.

¹⁰ Л. В. Черепнин. «Смута» и историография XVII века. — Изв., т. 14. М., 1945, стр. 81.

¹¹ А. Н. Насонов. Летописные памятники..., стр. 281.